

ТАВРОГРАФИЧЕСКИЙ

СБОРНИК

КНИГА ТРЕТЬЯ

Издательский Совет
Русской Православной
Церкви

Федеральное архивное агентство
Российский государственный архив
древних актов

ТАВРОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

КНИГА ТРЕТЬЯ

КРЕСТ КАК ЛИЧНАЯ СВЯТЫНЯ

МОСКВА

Издательство Московской Патриархии

Издательство «Древлехранилище»

2005

ББК 63. 3
С 76

Редакционный совет:

протоиерей Владимир Силовьев (председатель)
С. В. Гнутова (ответственный секретарь)
С. С. Ермолаев
А. В. Святославский
А. А. Трошин

Научный редактор и составитель:

С. В. Гнутова

**Одобрено Издательским Советом
Русской Православной Церкви**

Вклейка на обложке: Фрагмент мозаичной апсиды VI века. Церковь Сан-Аполлинаре-ин-Классе в Равенне.

Ставрографический сборник. Книга III: Крест как личная святыня. Сб. статей / Сост., науч. ред. и вступит. ст. С. В. Гнутовой. М.: Изд-во Московской Патриархии; Изд-во «Древлехранилище», 2005. 700 с., илл.

ISBN 5-93646-082-7

Книга продолжает серию сборников научных статей по ставрографии — науке, изучающей кресты. В третьей книге Ставрографического сборника публикуется выдающееся сочинение святого праведного Иоанна Кронштадтского «О кресте Христовом», которое может служить образцом всестороннего исследования для ставрографов. Основную часть Сборника занимают работы археологов и историков искусства, посвященные нательным и наперсным крестам — предметам личного благочестия. Большой блок статей освещает памятники эпохи патриарха Никона. В Сборнике подобраны материалы, посвященные устройению монастырей патриархом Никоном и воздвижению им крестов.

Далее рассмотрены проблемы атрибуции, методологии и систематизации крестов на современном этапе их изучения, описаны и впервые вводятся в научный оборот множество крестов из ряда музеев России.

Сборник предназначен для церковных историков, священнослужителей, археологов, искусствоведов, музейных работников, а также коллекционеров.

- © Издательство Московской Патриархии, 2005
- © Гнутова С. В., составление, 2005
- © Коллектив авторов, 2005
- © Издательство «Древлехранилище», оформление, 2005

ISBN 5-93646-082-7

А. В. Святославский

БЕЛОКАМЕННЫЙ КРЕСТ С НАДПИСЬЮ В ИНТЕРЬЕРЕ ПАЛАТ АВЕРКИЯ КИРИЛЛОВА

Белокаменный резной крест в замковом камне крестовой палаты усадьбы Аверкия Кириллова, в принципе, известен археологической науке XIX века и архитекторам-реставраторам XX столетия, но, возможно, неизвестен широкому кругу современных ставрографов. Желание восполнить этот пробел заставило нас взяться за перо. Но не только это. В строгом смысле описания креста и в прошлом никто из авторов не дал, занимались же почти исключительно надписью при кресте, причем только в одном ее аспекте — в связи с датировкой постройки палат Аверкия Кириллова. И наконец, любопытным итогом проведенных исследований явилась еще и проблема подмены оригинала XVII века более поздней копией.

Для начала приведем краткий очерк истории палат Аверкия Кириллова на Берсеневке, в Москве, которые сами по себе являются уникальным памятником древнемосковского гражданского зодчества.

Формирование жилой усадьбы как таковой (современный адрес ее: Берсеневская набережная, 20) в междуречье Москвы-реки и Канавы уходит в эпоху Ивана Грозного, откуда и предание о том, что здесь был двор Малюты Скуратова. Наука не смогла ни подтвердить, ни опровергнуть предания, однако старшее поколение ныне живущих москвичей утверждает, что еще в 1930—1940-е годы этот дом в округе был известен под именем Малютиных палат. Под этим же именем дом фигурирует в исследовании члена Московского Археологического Общества Н. В. Калачова, вышедшем в 1868 году¹. В XV—XVI веках владельцами усадьбы были бояре Беклемишевы (Иван Никитич Беклемишев имел прозвище Берсень — отсюда и название местности). Отписанная после казни И. Н. Беклемишева в казну, она затем была пожалована государеву садовнику Кириллу, от которого перешла к его сыновьям

¹ *Калачов Н. В.* Дом Малюты Скуратова, ныне курьерский Московских департаментов правительствующего Сената // Древности. Археологический вестник, издаваемый Московским Археологическим Обществом. 1867. № 6 (нояб.—дек.). М., 1868. С. 267—270.

Стефану и Филиппу, затем к внуку Аверкию Кириллову и наконец к правнуку дьяку Якову. Позднее палаты упомянуты в Переписных книгах 1-й и 2-й ревизий (1737) как дом Иностранной коллегии ассессора Петра Васильева Курбатова, вдова которого Ирина Семеновна (в первом браке была за упомянутым Яковым) через несколько лет после того отдала дом «для вечного житья и поминования ея по смерти дьякону Никольской церкви и женского пода богаделенкам»². Как видим, здесь упоминается церковь во имя святителя Николая в Берсенёве, ведущая, как считается, свое происхождение от Николы Старого монастыря, что на Болоте, известного с XIV столетия³.

Строительство нынешнего храма относят ко времени Аверкия Стефановича Кириллова, упоминавшегося в 1660-х годах в звании московского гостя, а позднее — думного дьяка (с 1677), и погребенного с супругой под северной папертью храма⁴. Широко бытует мнение, что храм был не приходским, а домовым, поскольку одно время существовал переход-галерея к дому, но М. Ю. Коробко в специальной работе доказывает обратное⁵. Известно, что в конце 1730-х годов на втором этаже жил дьякон Никольской церкви Борис, а на первом помещалась богадельня.

Вновь отошедший в казну дом с 1746 года переходит в ведомство Камер-Коллегии, с 1751 — Корчемной Канцелярии Сената, затем Московской Межевой Канцелярии, Канцелярии конфискации (1764—1766) и вновь Межевой (1766—1770). С 1771 года здесь расположился Разрядный архив при Сенате, с 1793 года палаты занимает Московская Казенная палата, и в 1806 году дом «исправлен для помещения в нем Сенатской курьерской команды»⁶. Под именем Курьерского дома палаты и фигурировали довольно долго среди москвичей в эпоху Александра I и Николая I.

Наконец, в 1868 году открывается новая важнейшая страница в истории палат — они переданы созданному незадолго до того (1864) графом А. С. Уваровым Московскому Археологическому Обществу, обитавшему здесь вплоть до своего роспуска в 1923 году. В 1870 и 1884 годах в палатах проводится реставрация, причем с росписью интерьеров. В интересующей нас крестовой, или гостевой, палате разместился зал заседаний Общества.

² Там же. С. 268.

³ См. о Никольском храме подробнее: Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов / Авт.-сост. П. Г. Паламарчук. В 4 тт. Т. 2. М., 1994. С. 593—595; Успенский А. И. Церковь св. Николы Чудотворца на Берсеневке. М., 1906; Разов Д. В. Ансамбль палат Аверкия Кириллова // Архитектурные памятники Москвы XV—XVIII веков: Новые исследования. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1947. С. 76—100.

⁴ Аверкий, как свидетельствовала памятная «таблица» в притворе храма (в 1930-е годы перенесена в ГИМ), мученически погиб 16 мая 1682 года, став жертвой первого стрелецкого восстания.

⁵ Коробко М. Ю. Еще раз об истории палат Аверкия Кириллова // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М.: РИК, 1994. С. 264—266.

⁶ Калачов Н. В. Указ. соч. С. 270.

После революции (1925) в палатах разместились Центральные государственные реставрационные мастерские, с 1932 года помещения использовались как жилые обслуживающим персоналом выстроенного рядом Дома Правительства. С конца 1940-х годов в палатах и церкви расположился Научно-методический совет по охране памятников культуры, а также НИИ краеведческой и музейной работы — его нынешний преемник Российский институт культурологии работает и сегодня в историческом здании.

В архитектурном отношении сохранившийся комплекс палат представляет собою четырехуровневое разновременное сооружение, основное ядро которого восходит ко второй половине XVII века. Первый уровень, подклет, превратился под возрастающим культурным слоем фактически в полуподвальный этаж (в 1950-е годы культурный слой был выявлен как полутораметровый), а бывший второй этаж воспринимается теперь как бельэтаж, на который ведет лестница в десять ступеней.

В юго-восточном углу здания на этом самом втором этаже находится палата, именуемая в литературе то крестовой, то гостевой. Это самое большое помещение второго этажа (6,0×8,6 м), оно ориентировано по оси запад-восток и имеет три окна с южной и два с восточной стороны. Палата перекрыта сомкнутым сводом, в замке которого и размещается интересующий нас крест. Собственно изображение креста помещено во внутреннем поле резного киота в форме кольца внешним диаметром 1,05 м, наружная выпуклая рамка которого имеет полукруглое сечение и выглядит как массивный «валик», замкнутый в кольцо толщиной 0,2 м. Внутри он сменяется кольцом меньшего диаметра, оформленного в виде фриза с выступами-дентикулами (внешний диаметр малого кольца 0,75 м); внутри малого кольца помещена замкнутая в кольцо же надпись («летопись»), выполненная в технике оброна с высотой букв 70 мм. Внутренняя окружность надписи подчеркнута еще одной круглой обрамляющей рамкой, которая визуальнo замыкает в себя внутреннюю плоскость киота-медальона (см. рис.). На этой плоскости внутреннего поля киота диаметром 0,47 м в обронной же технике вырезан семиконечный Голгофский крест на ступенчатой Голгофе, из которой «произрастают» копие и трость с губой, причем идея «процветшего Древа Жизни» подчеркнута в данном случае прорастанием трости двумя листочками, а также криновидным контуром завершения копия и трости. В основании Голгофы находим изображение, которое, на наш взгляд, явно тяготеет к характерному символическому образу дракона; над ним видна горизонтально положенная литера «о», а слева то ли буква «г», то ли фрагмент какого-то несохранившегося знака.

Сама по себе композиция весьма характерна для рассматриваемой эпохи XVII века, имея в виду самые разные типы крестов. «Со второй половины XVII века, — пишет об этом периоде С. В. Гнутова, — композиции с изображением Страстей Христовых начинают воспроизводиться на крестах, антиминсах, покровцах, потирах, дароносицах и дарохранительницах, на окладах Евангелий и икон, на самих иконах и гравюрах, позже на лубочных ли-

Рис. 1. Замковый камень с крестом.
С литографии 1885 года

Рис. 2. Замковый камень с крестом
в своде палаты. Фото 2004 года

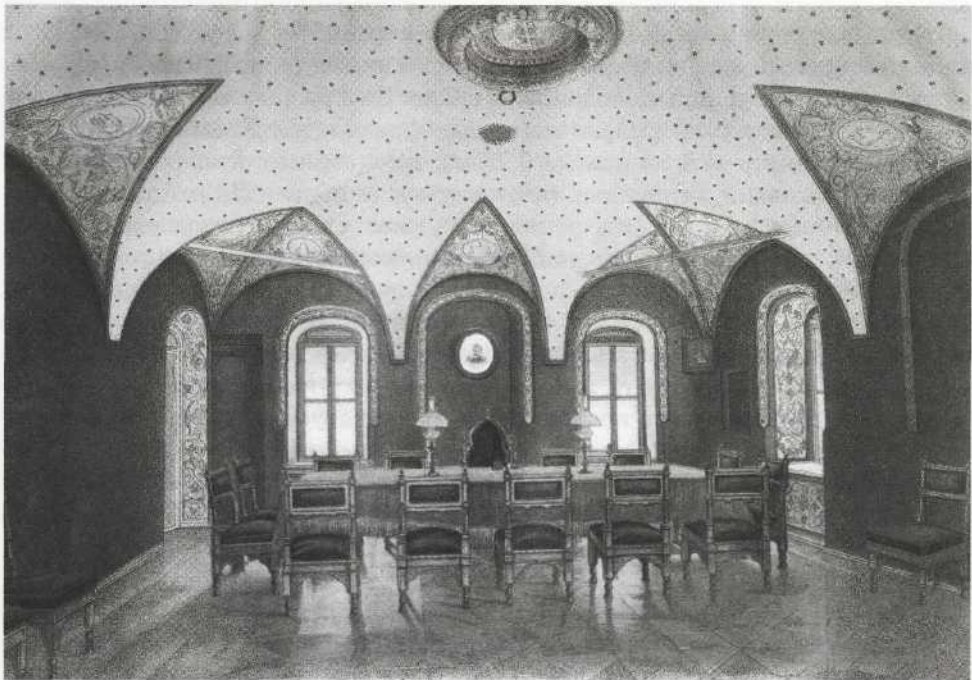

Рис. 3. Интерьер крестовой палаты. С литографии 1885 года

Рис. 4. Палаты Аверкия Кириллова. Фото 1880-х годов

Рис. 5. Палаты Аверкия Кириллова.
Фото 2004 года

стах. Но все же из всех групп вышеперечисленных предметов особо выделяются кресты, на которых помещалось наибольшее количество элементов, символизирующих Страсти Христовы. Орудия Страстей Христовых встречаются на самых разных видах крестов. Они размещаются на оборотной стороне нательных и наперсных крестов, на крестах на престольных, осеняльных и водосвятных, и даже на запрестольных или выносных крестах...»⁷. Уникальным остается лишь характер расположения креста в замковом камне свода жилых палат. Сам крест в буквальном смысле «осеняет» собою палату и ориентирован оглавием на восток.

Образ Голгофского креста, как и положено, содержит выполненные вязью привычные титлованные криптограммы, впрочем, с некоторыми девиациями. Для начала приведем то, что являет нам современное натурное обследование. Выше верхней горизонтальной поперечины креста читаем: **ЦРЬ СЛВЫ**. Поверх второй, длинной, поперечины: **ІГ ХС**. В поле киота между изображениями копия и трости: **КОПО' ТОСТЬ**. Выше Голгофы: **М Б**.

Первые четыре криптограммы имеют титлы, а последняя буква в слове **КОПО**, относящемся к копию, имеет над собою знак тупого ударения, обычно отмечающего последний слог в древнерусском языке. С точки зрения полувывших распространение принципов сокращения священных слов в древнерусском языке и самой логики типичной композиции возникают следующие вопросы: что за сокращение «копо» (само начертание конечной буквы не вызывает сомнений при сравнительном анализе букв внутри текстов данного креста — это именно «о»); почему в сокращенном варианте слова «трость» утрачена согласная «р», зато есть гласная «о» (обычно наоборот); и почему от привычного МЛРБ (Место Лобное Рай Бысть, или Место Лобное Распят Бысть) остались только буквы МБ?

Вообще в резаных по камню древнерусских текстах разного жанра встречается масса несоответствий, орфографических ошибок, описок, что само по себе естественно. Однако в данном случае настораживает то, что содержат такие ошибки именно устойчивые криптограммы сакрального характера. Значит, как минимум возникает подозрение в том, что какие-то буквы или их части утрачены. Или перед нами вообще неграмотная копия. Однако, обнаружив это впервые, мы не пошли сразу по пути реконструкций, поскольку оставалась непрочитанной главная надпись и ряд других вопросов.

Итак, главная круговая надпись, выполненная вязью и образующая своего рода «венки» вокруг креста с орудиями Страстей Господних, сегодня предстает в следующем виде:

⁷ Гнупова С. В. Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII—XIX веков // Филевские чтения. Вып. V. М., 1994. С. 68.

П А П С А С Н И Ъ Н Ж В Р Н И К Р С З В А Ж Т Я З Р З Е Г О Ц А У
 П Ц Г Ц Ж Е Л Ж Т Я Н С Г У Т Я С Н Я П Ц С Г А В Р Е Н А

В закольцованной надписи просматриваются два небольших разрыва: между началом и концом всей фразы и между словами «году» и «того». При этом встречается несколько лигатур, среди которых дважды лигатура ПР — в непонятном слове «испрта», а также в слове «посправлена». Трижды встречаются титла. Есть ряд мелких орфографических неточностей, которые, как уже говорилось, присущи большинству памятников эпиграфики, но мы обратимся к главным вопросам. Их два. Первый: что за таинственное слово «испрта»? Второй: как понимать слово «посправлена»? Вдвойне любопытно то, что второй вопрос вызвал длительную научную дискуссию, начатую еще членами Московского Археологического Общества и продолженную советскими реставраторами; первый же вопрос... не ставился вообще, ибо все авторы вплоть до 1960-х годов дружно прочитывают слово «испрта» как «полата».

Но начнем со второго вопроса. Почему из всего, что связано с самим фактом закладки креста, особенностями его иконографии, палеографическими и иными особенностями надписи, да и криптограмм, — исследователей, обращавших взор ко кресту, привлекала лишь проблема прочтения слова «посправлена»? А дело в том, что надпись носит строительный характер, и в зависимости от того, в каком значении прочесть это слово, можно говорить или о новом строительстве, или о перестройке существующей палаты в 7165 (1657) году. Последнее же имеет немаловажное значение для историков архитектуры и реставраторов, когда речь идет о таком уникальном памятнике гражданской архитектуры.

Перед тем как продолжить осмысление фактов, приведем некоторые выдержки из авторов разных времен по указанному вопросу.

В уже цитированном сочинении Н. В. Калачова сказано следующее: «В 1657 году, как значится в надписи, высеченной вокруг креста, изображенного вверху сводов одной из комнат этого дома, он был перестроен или, по крайней мере, исправлен»⁸. Далее приводится текст самой надписи в следующем виде: «Написанъ сей Святый и Животворящий крестъ в льто 7165 году; того ж льта и Полата сїя посправлена»⁹.

Другой член Московского Археологического (к этому времени уже Императорского) Общества, В. Е. Румянцев, в специальной статье, увидевшей

⁸ Калачов Н. В. Указ. соч. С. 268.

⁹ Там же. С. 268, прим.

свет в 1885 году¹⁰, уже после проведения «уваровской» реконструкции палат, приводит надпись в факсимильном виде, где также вместо современного «испрта» стоит слово «полата», в остальном в надписи все совпадает, за исключением некоторого смещения «и» восьмеричного с «i» десятичным, что, видимо, связано с подсознательной попыткой публикатора исправить ошибавшегося резчика. Еще невнимательность В. Е. Румянцева сказалась в том, что он называет крест восьмиконечным, на самом деле он семиконечный. Подробно исследователь останавливается на указанной выше дискуссионной проблеме значения слова «посправлена». Приведем этот пассаж целиком.

«Последнее слово в этой надписи большею частью читают “посправлена”, — пишет Румянцев, — но, по мнению Н. П. Розанова, — следует читать “поставлена”. В доказательство правильности такого чтения он ссылается, во-первых, на самые Строильные книги, в которых ясно сказано, что палата построена в н о в ь, а не исправлена только, далее, — “находящееся в последнем слове буквенное начертание П┘ нет основания принимать за буквы ПР, потому что в надписи все буквы Р изображены с круглым очертанием вверху, и буква Р или П была бы с нею слитно соединена в верхней своей части. Да и что за важное событие — поправление покоев, которое делавший такие поправки счел нужным увековечить в памяти особой надписью? — иное дело построение новой палаты”. К этому мы со своей стороны присовокупим, что, действительно, самая форма слова “посправлена” по неупотребительности своей уже возбуждает противу себя сомнение. Кроме того, в подтверждение правильности чтения, принимаемого Н. П. Розановым, является еще и доказательство археологическое. При недавнем возобновлении дома, по очистке со стены старой штукатурки, оказались в стене, находящейся между палатою и соседнею комнатою, в которой помещается теперь библиотека Общества, заложенные кирпичом древние окна, наружные наличники которых были обращены в палату. Следовательно, та часть дома, где находится библиотека, существовала прежде, а палата заседаний в 1657 году была пристроена к ней вновь и заняла часть земли, находившейся уже вне двора, под огородом А. Кириллова, как и сказано в Строильных книгах»¹¹.

Прокомментируем цитированное. В упомянутой Строильной книге 1657 года сказано следующее: «А на том огороде ево Аверкиева двора построена ево Аверкиева полата вновь, а от церковной земли до той полаты пять сажен»¹². Далее. Упоминается лигатурное (слитное) написание букв ПР, причем с незамкнутой сверху петелькой: П┘. От себя добавим, что такое же

¹⁰ Румянцев В. Е. Дом Московского Археологического Общества на Берсеневке // Древности. Труды Моск. Археол. Об-ва. В 25-ти тт. Т. V. Вып. I (Общ. оглавление и указатель к первым четырем томам Древностей и к Археологическому вестнику, изданным Московским Археологическим Обществом с приложениями). М.: Синод. тип., 1885. С. 36–40 (Прил. «В»).

¹¹ Там же. С. 37.

¹² Разов Д. В. Указ. соч. С. 78.

написание содержится в слове «испрта», неведомом В. Е. Румянцеву и Н. П. Розанову. Ссылка на неупотребительность слова «посправлена» (если, конечно, не иметь в виду литературный язык конца XIX века) звучит неубедительно. Словарь древнерусского языка знает это слово, причем в обоих значениях, — и как *исправить*, и как *сделать* вновь. В значении «исправить» отмечено словоупотребление под 1577 годом, в значении «сделать» — под 1634 годом¹³. Кстати, в просторечии форма «справить» — как *сделать*, *построить* — держалась и в период бытия на Берсеневке Археологического Общества, а в диалектах встречается и теперь. Кроме того, против прочтения слова как *поставлена* взывает тот факт, что в словах «лета», «палата» при написании сочетания букв ТА резчик не прибегает ни к каким лигатурным изыскам, а режет их раздельно.

Но самое главное в публикации В. Е. Румянцева (что, кстати, и позволило нам заметить его собственные неточности по поводу числа концов креста и смещения «и»/«і») — это прекрасного качества цветная литография закладного камня с крестом, каким он выглядел сразу после реставрации 1884 года. Литография эта, как и другая — с видом всей палаты, была помещена на вклейке в приложении к пятому тому «Древностей» МАО, в котором и опубликована указанная работа В. Е. Румянцева. Именно она была использована нами для скрупулезного сравнения с результатами современного натурного обследования камня-креста.

На месте загадочного современного «испрта» в варианте 1885 года ясно читается «полата». Приведем фрагмент текста, содержащий это слово в оригинальном виде:

АЖТАПЧАТАСНЯ

Однако различия прежнего и существующего вариантов этим не исчерпываются. Рассмотрим их подробнее.

На месте второй буквы «о» в слове «копо» (копие) в литографированном варианте 1885 года одна под другой с некоторым смещением вырезаны буквы «ие». В слове «трость» различима начальная лигатура ТР (в современном варианте — Т). Еще ниже в литографии читается «НИКА» — по две буквы с каждой стороны центрального ствола креста. При этом отсутствует изображение левого листочка на трости, *на месте* которого и расположена конечная буква «А» слова НИКА. Там, где отходят от Голгофы орудия Страстей Господних, помещены еще две буквы — «Л» и «Р», что восстанавливает в традиционном виде криптограмму МЛРБ. Контур самой Голгофы обрисован значительно тоньше, чем в современном варианте. И, наконец,

¹³ Словарь русского языка XI—XVII веков. М., 1991. Вып. 17. С. 218.

в основании Голгофы на месте нынешнего дракона — на литографии различным череп (глава Адама), как бы положенный набор, а над ним — нечто похожее на титло, но, во всяком случае, никак не горизонтально расположенная литера «о», видимая в современном варианте.

Нельзя сказать, что наши современники совершенно обошли вниманием указанные несоответствия. Среди сотрудников Российского института культурологии, который, как уже говорилось, занимает сегодня палаты дьяка Аверкия, да и среди краеведов, архитекторов нам приходилось слышать мнение о том, что нынешний крест являет собою небрежно выполненный новодел на месте утраченного. Еще более радикальное утверждение состоит в том, что в силу отсутствия аналогов резной крест в своде палаты вообще объявляется детищем «уваровской» реконструкции, когда своды и обрамление креста были расписаны под старину. Иначе говоря, сам крест признается стилизацией в духе «русского стиля» второй половины XIX века. Не так давно эти устные соображения нашли отражение в статье, опубликованной в журнале «Антикватория». Автор статьи Е. Филякова пишет следующее: «Реставрационные работы проводились в духе времени: если что-то обветшало — разрушить, перестроить согласно моде, текущему вкусу. Роскошнее всего была отделана центральная “крестовая палата”: голубой свод с золотыми звездами, вокруг закладного камня — лучи как от солнца, сбоку луна, в каждом [sic! — А. С.] распалубке знак зодиака, по окнам растительный орнамент, списанный с монастырских росписей, а стены цвета бордового лионского бархата. Современные специалисты считают, что подобный стиль “а-ля Васнецов” и в дурном сне не снился ни Аверкию Кириллову, ни Курбатовым и был основан на личных представлениях графа Уварова о старине. Даже высказывается смелая гипотеза о том, что закладной камень с крестом и “памятной надписью” в своде центральной палаты, не укладывающийся ни в одну из традиций русского зодчества, — тоже из разряда “фантазий графа”»¹⁴.

Задача нашей работы состоит, в частности, в опровержении подобных соображений. Если даже закрыть глаза на пренебрежительный тон, который позволила себе автор в отношении графа А. С. Уварова и тем самым заставила читателя думать, что она, дескать, разбирается в русских древностях лучше, чем один из титанов отечественной археологии (к тому же стоявший к эпохе Аверкия на полтора столетия ближе нас!), то остается немало чисто логических возражений. Отсутствие аналогов легко объяснимо тем, что само по себе жилое здание середины XVII века остается уникальным явлением в сохранившемся культурном наследии Москвы. Мы не можем рассуждать так, как если бы у нас сохранились сотни подобных палат в первоизданном виде. Во-вторых, и то, что сохранилось, — неоднократно подвергалось перестройкам, разрушениям, некачественной реставрации, что могло привести к утрате подобных крестов даже там, где они могли быть прежде. В-третьих, неправы те, кто не замечает вообще резных белокаменных закладных крес-

¹⁴ Филякова Е. Кто в тереме живет? // Антикватория, 2003. № 4. С. 59.

тов в церковном и крепостном зодчестве или строительных надписей в древнерусской архитектуре. Например, архитектор Д. В. Разов, оставивший подробные обмеры и описания палат Аверкия по состоянию на 1947 год, хотя и не сомневался в древности закладного камня-креста, но отмечал это как «единичный пример фиксации года постройки на камне в русской гражданской архитектуре»¹⁵. Между тем еще в готовившемся в те же годы знаменитом своде эпиграфики В. Б. Гиршберга были описаны строительные датированные надписи, в частности, над восточным порталом кремлевского Теремка (1636), над воротами Старого Гостиного двора (1641), не говоря уже об известной надписи на Спасских воротах Московского Кремля (1491). Стремление как-то увековечить и датировать событие вообще пронизывает всю древнерусскую эпиграфику, начиная с древнейших памятников этого рода, вроде Тмутараканского и Роговолодова камней. Что касается крестов, то еще И. А. Шляпкин в своей известной ставрографической классификации начала XX века выделяет особую категорию закладных крестов, обозначенную им как «заделанные в стены церквей, колоколен, укреплений»¹⁶.

Исходя из обозначенной нами важности проблемы уникальности/типичности подобного рода закладного камня и строительной надписи в отечественной культурной традиции, вернемся к содержательному аспекту исследуемой надписи. Напомним уже цитированное восклицание Н. П. Розанова: «Да и что за важное событие — поправление покоев, которое делавший такие поправки счел нужным увековечить в памяти особой надписью? — иное дело построение новой палаты...». Мы не можем согласиться с вытекающим отсюда пониманием смысла надписи как призванной только лишь увековечить факт строительства. Это верно, но недостаточно. Значение надписи и самого акта закладки камня-креста выходит за рамки чисто строительной надписи в том виде, в каком ее знает отечественная мемориальная культура от древности до наших дней. Само построение текста надписи таково, что на первое место поставлено сообщение о «написании креста», логическое ударение стоит на первом предложении, сообщение же о строительных работах по палате дается как бы попутно: *«Написан сей святыи и животворящий крест в лета 7165 году, того же лета и полата сия посправлена»*. С одной стороны, очевидно, что крест органически связан с самой конструкцией, поэтому у читателя XX—XXI века возникает ощущение, что палата должна быть «главнее». Однако надо признать, что логика XVII века — иная, и дело здесь не в том, что автор надписи ориентирован на некий устойчивый формуляр (Древняя Русь знает и *чисто* строительные, условно говоря, надписи). Дело в том, что для религиозного сознания той эпохи всякого рода воздвижение,

¹⁵ Разов Д. В. Указ. соч. С. 82.

¹⁶ См.: Шляпкин И. А. Древние русские кресты. Кресты Новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического Общества. Т. VII. Вып. 2. СПб., 1907. С. 81.

поставление, начертание, закладка креста есть акт глубоко сакральный, по-своему приоритетный ко всему остальному, что и нашло отражение в особенностях эпиграфики. Крест в данном случае призван освящать жилище, осеняя его собою (таково место закладки!), оберегать его. В современной терминологии мы, конечно, можем условно называть данный тип креста строительным, это не будет грубой ошибкой. Традиционно же подобные кресты назывались закладными, что более правильно. Однако следует иметь в виду, что иногда термин «закладной» использовался и в более широком смысле, имея в виду не просто заложенный в стену камень (с крестом, надписью), но акт поставления креста при закладке города, монастыря. В принципе, оба значения связаны с началом строительных работ¹⁷. В нашем же случае речь вообще идет о сложном, комплексном значении креста.

Вернемся, однако, к доказательствам принадлежности изначального креста XVII веку. Даже если исполниться наивности и считать, что члены Археологического Общества В. Румянцев и Н. Розанов в 1870—1880-е годы не знали о современной им подделке (или делали вид, что не знали!), то и тогда самым веским доказательством того, что крест в палате дьяка Аверкия не есть «изобретение» Археологического Общества (графа А. С. Уварова и реставраторов 1870 и 1884 годов архитекторов А. Попова и Н. Никитина), — служит описание креста в приведенной нами работе Н. В. Калачова, написанной *не позднее* середины 1867 года.

Но остается другой немаловажный вопрос. Что стоит за различиями в литографированном изображении креста 1885 года и современным его видом, откуда происходят различия в приводимом несколькими поколениями исследователей варианте надписи, с одной стороны, и современном ее виде — с другой?

В советское время реставрационные и ремонтные работы различной степени сложности на здании палат проводились в 1940, 1947, в 1953—1959 годах и, наконец, в 1960—1963 годах. Наиболее серьезный этап связан с комплексом реставрационных мероприятий 1953—1959 годов. Он проводился Музеем архитектуры Академии строительства и архитектуры СССР и Инспекцией по государственной охране памятников архитектуры Москвы под руководством знаменитого архитектора-реставратора Г. В. Алферовой. Научный контроль осуществлялся представительной Комиссией в составе Б. Н. Кузнецова (председатель), Д. П. Сухова, П. Н. Максимова, Н. Н. Соболева, В. Н. Иванова, В. И. Федорова, Н. П. Зворыкина, И. М. Точиной, М. В. Фехнер.

В связи со структурной реорганизацией строительного-реставрационного комплекса Москвы работы эти были остановлены с тем, чтобы продолжить

¹⁷ Функциональной семантике применительно к монументальным формам креста посвящен раздел в работе: Святославский А. В., Трошин А. А. Крест в русской культуре. Очерк русской монументальной ставрографии. М.: Дрвлекранилище, 2000. С. 43—84.

их в 1960—1963 годах, но уже силами вновь созданной и недолго просуществовавшей Московской научно-реставрационной производственной мастерской (арх. А. И. Мазаев). Этот этап реставрации вошел в историю здания своей небрежностью. Значительная часть документов по истории реставрации палат утрачена, или нахождение их неизвестно, или они недоступны (как не разобранный пока архив Г. В. Алферовой в ГНИМА им. А. В. Щусева). При этом легче найти данные по реставрационным работам эпохи МАО¹⁸, нежели по советскому периоду...

Тем не менее, некоторыми материалами мы сегодня располагаем. В фондах Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева удалось обнаружить фото интересующего нас камня с крестом, сделанное в 1940-е годы. Фото демонстрирует полное совпадение изображенного на нем рельефа креста с криптограммами и надписью с литографией 1885 года. Таким образом, круг поисков возможной даты замены оригинала копиями сужается до двух последних реставраций 1950—1960-х годов.

Определенный свет способна пролить опубликованная в 1974 году статья самой Г. В. Алферовой, подводящая некоторые итоги реставрации 1950—1960-х годов, где, в частности, автор особо останавливается на тщательности проводимых под ее руководством работ в отношении малых пластических форм. «Большое внимание, — пишет она, — было уделено сохранению подлинных деталей, докомпоновке утраченных частей тонкого белокаменного декора. Для вставок обычно делается вырубка в утраченном месте простейшей геометрической формы, в результате чего уничтожается часть древней детали. Чтобы избежать этого, мы, не производя вырубку краев, в утраченное место делали вставку из глины и добивались полного сходства ее с подлинником. Подлепка утверждалась архитектором, и с нее снималась гипсовая форма, с которой отливалась алебастровая деталь. Деталь вырубалась из белого камня по отливке и вставлялась в утраченное место без вырубki древнего камня»¹⁹.

И далее: «В 1959 году ведение научно-реставрационных работ по палатам было прекращено. Ныне упраздненная Московская научно-реставрационная производственная мастерская с 1960 года начала вести на усадьбе ремонтные работы без необходимых исследований и фиксации, под наблюдением архитектора А. И. Мазаева»²⁰.

По поводу надписи в статье сказано следующее: «В течение ста лет обсуждался вопрос о том, как понимать надпись на картуше юго-восточной палаты второго этажа: “Палата посправлена”. В результате наших работ стало ясно, что эта палата была поставлена на новом основании. Старые белока-

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 21, 54, 78, 145, 536.

¹⁹ Алферова Г. В. Исследование и реставрация палат Аверкия Кириллова (работы, проведенные в 1954—1964 годах) // Из истории реставрации памятников культуры. М.: Советская Россия, 1974. С. 148.

²⁰ Там же. С. 148.

менные стены лежат под полом палат на метровой глубине. Новые стены были расширены приблизительно на 1 метр»²¹.

Принимая во внимание высочайшее мастерство и профессиональную репутацию Г. В. Алферовой, а также тот факт, что она специально останавливается на проблеме прочтения надписи и цитирует ее в «прежнем» варианте, можно предположить, что изменения в облике креста относятся к периоду *после* реставрации 1954—1959 годов. Кстати, и в книге известного искусствоведа М. А. Ильина, вышедшей в 1963 году, еще приведен старый вариант. «В одном из помещений — Крестовой палате — выходящей на юго-восток, — сохранилось в рамке свода резное изображение креста, вокруг которого сделана надпись: “Написан сей святой и животворящий крест в лето 7165 году. Того же лета и палата посправлена”»²², — читаем там.

Остается, правда, вопрос о том, что именно помешало реставраторам воссоздать точную копию оригинала. Здесь видятся два фактора. Во-первых, они могли не иметь в своем распоряжении того, чем оперировали мы, — а именно литографии 1885 года или фотографии 1940-х годов. Возможности же натуральных обследований могли быть ограничены возникшими ко времени реставрации повреждениями камня с утратой ряда деталей (в столь короткий период от 1940-х годов такое маловероятно, но возможно, например, как результат полученных повреждений). Во-вторых, здесь, очевидно, сказывается небрежность и отсутствие собственно ставрографического научного обоснования. Возможно, это объясняется «сменой коней на переправе» — начал работы один коллектив, заканчивал другой и явно впопыхах. Отсюда, скажем, странная криптограмма РБ на месте типичной МЛРБ, хорошо знакомой даже в советское «безрелигиозное» время археологам, искусствоведам, реставраторам крестов. Наиболее удивительно выглядит подмена Адамовой главы изображением дракона в основании Голгофы²³ и замена слова «пола-

²¹ Там же. С. 149.

²² Ильин М. А. Москва. М.: Искусство, 1963. С. 126.

²³ Ставрографам известно, что в XVII веке встречаются и тот и другой образы — в основании Голгофы. В свое время по поводу этих символов и времени их распространения возникла полемика между известным археологом XIX века Г. Д. Филимоновым (его работа опубликована в предыдущем нашем сборнике, см.: *Филимонов Г. Д.* Значение луны под крестом, по афонским памятникам Севастьяновского собрания // Ставрографический сборник. Кн. II / Ред.-сост. С. В. Гнутова. М.: Издат. Отдел Московской Патриархии; Изд-во «Древлехранилище», 2003. С. 41—49) и не менее известным специалистом по христианскому искусству Н. В. Покровским. Г. Д. Филимонов, отказывавшийся видеть в черепе Адамову главу, считал, что дракон совершенно был вытеснен из иконографии Голгофы черепом в XVII веке. Н. В. Покровский не соглашался, считая, что филимоновское положение о том, «будто череп под крестом явился в XVII веке на смену дракону, нуждается в разъяснении и исправлении: череп явился не позднее IX века, дракон как символ злого духа известен был раньше, но нет ни единого византийского примера его изображения под крестом с распятым Христом. Исключение составляют византийско-латинские авории, в которых эта форма может и не быть прямым подражанием

та» на «испрта». Может быть, последнее связано со стремлением поправить древнего автора и написать-таки слово «исправлена» вместо оказавшегося столь спорным «посправлена»? В любом случае, эту ошибку мог допустить только исполнитель (резчик), но не автор проекта реставрации креста (если таковой имелся). Характерно и то, что в кресте-новоделе отсутствуют наиболее филигранные детали (в т. ч. некоторые криптограммы), требующие тонкой и точной работы резчика.

Но почему на все это закрыли глаза? Ответ можно искать лишь в вышеприведенном замечании Г. В. Алферовой по поводу качества работ, предпринятых по палатам в 1960—1964 годах, от себя же добавим, что в эти самые времена отношение к старине и к православной культуре было таково, что удивляться подобным метаморфозам креста не приходится. Кроме того, могла сказаться спешка — тоже характерный знак времени. Между «качественнее» и «скорее» в те годы выбирали «скорее». Кстати, по предположению сотрудников ГНИМА им. А. В. Щусева, причиной отстранения от работ по палатам самой Г. В. Алферовой (которая теоретически могла бы продолжить работы на данном объекте и после ликвидации Академии архитектуры под эгидой любой другой организации) могла послужить присущая этому архитектору тщательность, медлительность, растягивавшая сроки проведения работ.

Автор статьи выражает благодарность за научные консультации и оказанное содействие своим коллегам — ведущему научному сотруднику объединения Мосгорархив, кандидату исторических наук Н. Н. Поповой, заведующему сектором ГМИИ им. А. В. Щусева М. Г. Рогозиной, доктору филологических наук В. В. Калугину (Институт русского языка РАН).

византийскому образцу и которые, во всяком случае, не претендуют на столь отдаленную древность, как распятие с черепом в Лобковской псалтири. Ссылка на древнехристианские тельники очень темна, и мы полагаем бы необходимым предварительно решить вопрос, употреблялись ли тельники в древнехристианский период. <...> Вообще наличие памятников говорит, что Распятие с черепом древнее, чем Распятие с драконом. Не можем согласиться и с тем заключением автора, будто с XVII века дракон совершенно исчезает в подножии креста <...> Таких крестов с драконом немало сохранилось в афонских иконостасах. <...> Ясно, что между черепом и драконом нет того хронологического соотношения, которое присвоено им Г. Д. Филимоновым» — *Покровский Н. В.* Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 441.

В нашем случае очевидно, что изображение черепа было утрачено к моменту составления проекта последней реконструкции камня с крестом, что только одно и может объяснить возникшую подмену — по аналогии с каким-то известным автору проекта образом Голгофского креста XVII века.